

Виктор

Бакин

ПИСЬМА ШОЛОХОВА. ВЯТСКИЙ АРХИВ

В Центральном государственном архиве Кировской области (ЦГАКО) хранится уникальная переписка знаменитого писателя, лауреата Нобелевской премии Михаила Шолохова с уроженцем вятской земли Дмитрием Крупиным, занимавшим в тридцатые – пятидесятые годы прошлого века должность управляющего делами ЦК ВКП (б) (с 1952 г. – ЦК КПСС). Решаюсь предложить ее журналу «Простор», зная, что Михаил Александрович тесно был связан с Казахстаном, постоянно ездил в Уральск, дружил с уральскими писателями, и даже известие о присуждении Нобелевской премии он получил в станице Дарьинской на Урале. Говорит он о Казахстане и в этих письмах.

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

Целая подборка из 17 писем (одно машинописное, но с личной подписью писателя, все остальные написаны непосредственно рукой автора «Тихого Дона») и 3 телеграммы (одна отправлена в День Победы – 9 мая 1945 года), адресованные Дмитрию Васильевичу Крупину, четыре отрывка из романов «Поднятая целина» и «Они сражались за Родину» (листы машинописного набора и гранки для публикации в газете «Правда») с дарственными надписями Шолохова своему адресату и его детям – Владимиру и Тамаре, черновик речи на II Всесоюзном съезде писателей и групповой снимок Михаила Александровича Шолохова и Дмитрия Васильевича Крупина с делегатами XXII партийного съезда от Кировской области, а еще два письма Марии Петровны, супруги писателя, жене Крупина, к одному из которых приложена фотография Шолохова на рыбалке... Такая неожиданная находка обнаружена в ЦГАКО, в хранящемся здесь личном фонде известного кировского краеведа Василия Пленкова (1897–1979 гг.)

– Что представляет собой архив Пленкова? Это достаточно обширный комплекс документов, который состоит практически из тысячи дел. И каждое дело – довольно толстая отдельная папка, – поясняет сотрудник ЦГАКО Михаил Меланин. – В эти архивные папки Василий Георгиевич Пленков из года в год собирал различную информацию об исторических личностях, непосредственно связанных с Вятским краем. И Дмитрий Васильевич Крупин, по всей видимости, изначально заинтересовал краеведа, как активный участник установления советской власти на юге Вятской губернии. И лишь позднее, возможно даже совершенно случайно, у них зашел разговор о писателе Михаиле Шолохове... Прежде чем перейти к этим письмам, расскажем о самом адресате Михаила Александровича.

РОДОМ – ВЯТСКИЙ...

«Родился в 1895 году, родители – крестьяне села Троицкое (Кучка) Оршанской волости Яранского уезда Вятской губернии (ныне это территория современной Республики Марий Эл – авт.)...» – так начинает свою автобиографию, также хранящуюся в ЦГАКО, Дмитрий Васильевич Крупин. А следом, уже в других воспоминаниях, озаглавленных одним словом «Детство», подробно останавливается на первых годах своей жизни, признаваясь в неизменной любви к родному краю. Вот эти откровенные строки, которые свидетельствуют о незаурядных писательских способностях автора, да и по-настоящему раскрывают наш край:

«...В день своего семидесятилетия я получил письмо от товарища по семинарии. Он напомнил мне о нашей родине и спросил, помню ли я свой край и любимую Вятку. Письмо меня взволновало...

Вятку в молодые годы я любил особенной любовью. Когда на Вятку со всех сторон в 1918 году рвались интервенты, и каждый из них по-своему уже мечтал о нашем лесе, руде, хлебе и других богатствах моего края, во мне поднималась буря негодования против захватчиков, и мне всем сердцем хотелось сберечь ее, как родную мать.

Да, я люблю свой край, свою Оршанку и родную Кучку такими, какими их сохранила моя детская память...

Край Вятский, а также и Марийская Республика – обширный интересный край со своей сказочной суровой природой, ее голубыми далями у тракторов из вековых берез и девственными лесами. А леса наши насыщены дарами природы Севера, всегда были любы терпеливому нашему народу...

Этот благодатный край имеет вполне достойных себе обитателей – они хлебосольны, радушны, «чем богаты, тем и рады». Детвора моего края тоже очень любит и ценит щедрые дары природы – лесную снедь: землянику, грибы, малину, чернику, костянику, орехи – лещину, а поспевающие семена черемухи считает лучшим лакомством. Нашими любимыми «фруктами» были репа, горох и брюква. Да разве все перечислишь!

Удивительно трудолюбивый наш край, и дети там такие же труженики, как и их родители, как говорят, «от белых мух до белых мух». Все трудятся летом, ведь один день год кормит. Лето у нас короткое, да и солнце не балует ни взрослых, ни детвору. Это и породило множество сказок, былин и поговорок... «Вятский народ хватский, знает, почем фунт лиха».

Суров с виду вятский человек, неразговорчив, а приглядишься к нему – он полон заботы, тревоги, человечности, теплоты душевной.

От мала до велика все подельцы-кустари. Каждой породе дерева цену знают, зря не рубят. Липа с малолетства была для нас кладом, знали, что из лыка липы – лапти, из липы – ложка и игрушка.

Ивушка весной плачет, а зимой греет. От ее коры дубятся шкуры овчины. И все это делали детские руки со взрослыми, а руки у всех золотые.

Женщина в хозяйстве – это большая сила. Она несет на себе большой труд, выращивая лен. А сколько нужно умения и сноровки, чтобы получить лен, куделю, которые в хозяйстве необходимы, а еще сложнее получить хорошее полотно для рук и скатерть-самобранку. В былые времена из холста (новины) шили одежду, белье и даже верхнюю одежду.

А ржаной ароматный хлеб – это трудный хлеб в нашем крае для хлебороба. Но ведь он насущный, нужный для труда, для жизни на год, и потому он уже превращается из труда в радость, ведь в труде радость...

Анализируя жизнь края в конце XIX века и начале XX века, считали, что волевой вятский народ давно привык к земской самостоятельной жизни – расширили сеть земских школ, учительских семинарий, фельдшерских и ветеринарных училищ и фармацевтических школ. Крестьянство стало прививать самостоятельно высокую культуру на средства земства, но все эти преобразования шли туго...

Светлую память оставила о себе моя первая учительница Мария Петровна Рокина. Она была с очень большой красивой душой, начитана и для того времени довольно образованна. В класс она приходила с интересными фантастическими книгами, подолгу рассказывала об Икаре, Жюль Верне и других замечательных людях и русских исследователях. Как ее ученики, так и их родители называли ее за глаза не иначе, как только ласково «наша учителька Марьюшка», а матери еще прибавляли «её рожоную в большом табуне сразу выберем». Она была подлинно народной учительницей, и все шли к ней за советом.

Когда подросток превращается в юношу и уже начинает мыслить по-взрослому, то у него есть свои положительные герои, похожим на которых он хочет быть. Так было и со мной. Мне хотелось подражать моей учительнице, когда и я буду учителем, и надо сказать, что впоследствии мне это удалось.

Получив начальное образование, я учился в Сернурском училище. В эти годы первыми моими думами о своем жизненном пути были думы о выборе профессии, чтобы быть полезным народом.

Учился я с рвением, все мне было интересно. Школу закончил успешно. Родители против моего образования не возражали и привезли меня в слободу Кукарку, где я успешно поступил в учительскую семинарию.

Трудно было деревенскому пареньку учиться в незнакомом поселке, далеко от родителей. Да и материальные затруднения давали о себе знать. Но с малых лет я был приучен к труду. Я не растерялся и стал работать кухонным рабочим в столовой нашей семинарии. В старшем возрасте давал уроки ученикам в качестве репетитора. На старшем курсе в семинарии мне была положена стипендия 5 рублей в месяц.

Хотя Кукарка в ту пору была захолустьем, удаленным на сотни верст от железной дороги, все же жизнь и учеба проходили там интересно, и было это благодаря нашим преподавателям семинарии, людям чутким, с прогрессивными мыслями. Им же я обязан знакомству с произведениями таких великих революционных демократов, как Белинский, Добролюбов и Чернышевский, а кроме того я увлекался Л. Н. Толстым. Это еще больше открыло мне глаза на жизнь и положение простого народа.

В 1912 году я закончил семинарию...»

ВОЙНА, РЕВОЛЮЦИЯ, МИРНАЯ ЖИЗНЬ...

Самостоятельную взрослую жизнь начал Крупин на Дальнем Востоке – работал учителем начальной школы и двухклассного училища в Хабаровске. Затем Юго-Западный фронт: воевал против австро-германских войск. После февральской революции начал агитационную работу в своем полку, вступил в

ряды РСДРП. Как активный член полкового комитета, в переломные октябрьские дни свергал военных и гражданских ставленников Временного правительства Керенского.

В декабре 1917-го вернулся на родину. И здесь активно включился в революционную работу: при организации советских органов власти был избран первым председателем сельского, следом волостного Совета, потом первым председателем уездного исполкома и заместителем председателя губисполкома. С июля 1918 года снова сел в седло: командовал красногвардейским отрядом по подавлению кулацко-эсеровских восстаний в Уржумском, Нолинском и Яранском уездах Вятской губернии.

С мая 1919-го – в действующей Красной Армии: сначала на Восточном фронте воевал против Колчака, затем на Северо-Кавказском фронте был военкомом и членом Реввоентрибунала, а последние два армейских года – старшим инспектором политуправления Реввоенсовета республики.

Дальше – советская и хозяйственная работа. В Вятской губернии – директор бумажного треста, председатель Уржумского уездного исполкома. В период сплошной коллективизации – председатель Кубанского колхозсоюза, директор Кубанского сельхозинститута технических культур.

В течение двух лет (1937–1938 гг.) Дмитрий Васильевич Крупин работает секретарем Ростовского обкома ВКП (б). Избирается депутатом Верховного Совета РСФСР по Миллеровскому избирательному округу. Возможно, именно в это непростое предвоенное время и произошло его знакомство с уже известным советским писателем Михаилом Шолоховым, с годами переросшее в настоящую многолетнюю мужскую дружбу.

Добавлю еще, что в период Великой Отечественной войны наш земляк был одним из руководителей Центральной комиссии по сбору теплых вещей для армии, а в пятидесятые годы занимал высокую должность управляющего делами ЦК КПСС.

ПИСЬМА ПЕРИОДА ВОЙНЫ

Представив читателю адресата Шолохова, вернемся непосредственно к переписке. Семь писем писателя относятся к периоду Великой Отечественной войны. Самое раннее из них датировано 29 июня 1942 г.

Вот эти послания:

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Еще раз, – большое спасибо за ту радость, которую Вы доставили моей семье. Сейчас мне ничего не нужно, все есть в избытке. Недели через три, если можно, пришлите что-либо из фруктов, и это – все. Крепко жму Вашу руку.

М. Шолохов.

29.VI.42

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Большое спасибо за все. То, что привез от вас – почти все оставлено в Венской во время бомбежки. Но это все – гори-бы с ним. Навсегда оставил там мать, убитую немецкой бомбой.

Если будет возможность, – пришли, пожалуйста, папирос, сухого вина, консервир.[ованных] фруктов (без последнего можно прожить). Если кто будет ехать от вас[,] пусть захватит у [слово зачеркнуто] (тогда позвони ему сам) одну штуку, которую я прошу у него. Крепко жму руку, обнимаю.

М. Шолохов.

15.VII.42

Думаю, будет уместно напомнить читателю, что в самом начале 1942-го Михаил Александрович едва не погиб – самолет, на котором он летел в Куйбышев (ныне это город Самара), при посадке потерпел серьезную аварию. Писатель получил тяжелейшую контузию, но, как заметил позже в письме жене, «кое-как выхромался...» Впрочем, еще долгое время Шолохов практически ничего не мог есть – любая пища вызывала у него рвоту.

И тем не менее он работает – работает напряженно: 22 июня, в годовщину начала войны, газета «Правда» печатает его рассказ «Наука ненависти».

Ну, а 8 июля случилась трагедия: в Вёшенской погибает мать писателя, Анастасия Даниловна – во время налета вражеских самолетов бомба упала во двор, снесла все хозпостройки и крупными осколками страшно изуродовала пожилую женщину. При этом практически полностью был уничтожен и архив писателя.

Следующие два письма относятся к третьему году войны.

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Доехали мы с т.[оварищем] Пановым хорошо и без происшествий, если не считать того, что в дороге придавил меня грипп, да так основательно, что в Саратове пришлось вызывать врача (благо, что стояли там 1½ суток). Даже сейчас побаливает голова, но понемногу прихожу в норму и, видимо, скоро засяду за работу, ту самую, о которой говорил [слово зачеркнуто]. Предстоящая работа меня захватывает и, думаю, что послужу нашему делу с честью.

Весь мой народ – большой и малый – горячо благодарит тебя за все, что ты сделал для нас и просит меня обнять тебя за них, что я охотно делаю, хотя теперь нас с тобой и разделяют многие сотни километров.

О дальнейших моих жизненных планах я тебе напишу, как только оформится в сознании костяк задуманной книги и хоть что-нибудь сделаю для начала. Не исключена возможность, что м-ца через 1½-2 придется снова приехать в Москву, чтобы оттуда напрямик дунуть на фронт.

Панов выезжает в Москву завтра. Вместе с ним едет мой родственник, военврач Кириллов, который вручит тебе это письмо.

По поводу Кириллова обращаюсь к тебе со следующей просьбой: Кириллова, как оказывается, нач.[альник] Военно-Санитарного Управления т.[оварищ] Смирнов решил отчислить в резерв. Ему придется работать в одном из тыловых госпиталей. Нельзя ли перевести его в один из уральских госпиталей (их здесь несколько и обслуживают они раненых, поступающих с ближайших фронтов). Нужда во врачах здесь огромная, а мне это было бы весьма с руки потому, что сей доктор и меня многократно лечил от всяческих болезней и ребят у жены принимал, так что в случае нужды, когда до Кремлевки не дотянешься, хоть будет к кому обратиться. Как-никак – свой врач в семье, а своему ведь всегда больше веришь. Пожалуйста, позвони т.[оварищу] Смирнову. Ему-то, вероятно,

все равно, где бы подчиненный ему Кириллов не резал, лишь бы хорошо резал, а нашим, живущим «...на краю Руси обширной, вдоль уральских берегов», – это обстоятельство весьма важно.

Передай от меня поклон и добрые пожелания жене и Тамаре, а Володюшку расцелуй за меня в маковку. Парень он – настоящий! Больничное яблоко-то так и осталось лежать в столе, в номере «Националя». Беда со старческой памятью!

Ну, будь здоров, дорогой Дмитрий Васильевич! Крепко обнимаю тебя и жму руку. Еще раз – спасибо за все.

Твой М. Шолохов.

2 января 1943 г.

п. Дарьинск

Дорогой Дмитрий Васильевич!

После долгих мытарств сейчас всем колхозом находимся в Камышине. А начались эти мытарства с 20-х чисел октября, когда приехав на разведку в Николаевку и поговорив с секретарем РКЯ, как говорится, с «приятным изумлением» обнаружил, что ни Чуянов, ни Прохвятилов никому из николаевцев ничего не сказали о моем <готовящемся> переезде, что квартиры нет и в помине и пока не предвидится, и что вообще мой приезд – нечто вроде снега на голову...

Не теряя времени, отправился в Камышин в надежде, что авось по ошибке предупредили камышинского секретаря, а не николаевского. Но и тут оказалась такая же история: никто ничего и сном-духом не знает.

Зимовать все же решил я на Волге. И вот пока в Камышине готовили квартиру, пока грузовые машины шли из Камышина в Уральск, а я, вернувшись в уральские степи, томительно бездельничал, с часу на час ожидая прихода машин, прошло 2 недели, и только 10/XI мы выехали, а тем временем выпал снег, потом пошел дождь, и с полпути пришлось не ехать, а ползти по грязи и всячески бедствовать. Словом, это время мы целиком и полностью подходили под рубрику тех, о ком в свое время в церквах молились, как о «...плавающих и путешествующих».

Еще в цветущем, солнечном Казахстане схватил я какую-то свирепую азиатскую ангину, ехал лежа в машине с жесточайшей головной болью, отлеживаюсь и сейчас, но уже в состоянии и работать по-малу и поворачивать голову по человечески, а то был, как волк: чтобы оглянуться – приходилось поворачиваться всем корпусом.

В Камышине устроились хорошо. У меня даже отдельная рабочая комната есть, чего не было, к сожалению, с 41 г. И вот теперь я – счастливый и довольный – сижу в одиночестве и словно кочевник, впервые вкушивший сладкого яда культуры, – с наслаждением взираю на настольную электролампочку. Что там ни говори, а она, подлая, лучше любой керосиновой «молнии»!

Сейчас стоят длинные ночи, настала самая рабочая пора для меня, и не знаю, когда придется быть в Москве. Может быть, в январе, а если Светлане удастся побывать у нас во время зимних каникул, то и позднее!

Книга моя медленно идет к концу, но зная по опыту, как к концу невольно теряешь первоначально взятый разгон, – не тешу себя зряшными надеждами и думаю, что еще полгода мне над ней сидеть да сидеть!

Большая просьба к тебе, Дмитрий Васильевич, пришли папирос, сахару и кофе, если есть у вас этот заморский продукт. Табачком обнищал окончательно.

но, даже 15 стаканов тамбовско-кирсановской махорки, купленной по дороге из Москвы, покурил; с помощью добрых людей, конечно! Сахару в доме нет, а кофе твой хозяйственники прошлый раз отпустили ровно в количестве 100 гр.[амм] Цифра эта безусловно не плохая, особенно в жидком виде и перед обедом, а что касается кофе в таком количестве, то мы долго думали с Мар.[ией] Петровной: когда и как его употребить (распределяли, примерно, так, как немецкий солдат распределял свой суточный табачный паек из трех сигарет), словом нет этого бедного кофе, не залежалось оно!

Посылку можно направить самолетом или поездом на Сталинградский обком, а они перешлют мне, или же я по получении пошлю за ней машину.

Спасибо за внимание и помощь Светлане. Передай от всех нас привет и добрые пожелания Марии Георгиевне, Тамаре и Вове. Крепко жму руку и обнимаю тебя!

Твой М. Шолохов.

P.S. С отрывком получилось очень плохо. Я отлично понимаю, что Правда – не литературная газета, но раздробили они так, что я прежде чем посылать в газету новый отрывок[,] еще подумаю, стоит ли? И не начинать ли прямо с журнала?

М.Ш.

25/XI-43

Сделаю небольшое пояснение: в конце своего письма Шолохов сетует на публикацию в газете «Правда» глав нового романа «Они сражались за Родину», которой он, по всей вероятности, был не очень доволен.

Камышин

19.III.44

Дорогой Дмитрий Васильевич!

В Сталинграде, провозжая Светлану, написал тебе письмо, но отдать Светлане забыл, да так и провозил его в кармане две недели. На днях вернулся из поездки по Дону. В Вешенской побывать не удалось – застала в дороге весна и речушки стали непроездны. Вернулся из ст-цы Кумылженской. Но зато полностью осуществил «программу» и побывал на той стороне Дона, на местах прошлогодних боев (Сиротинский плацдарм – Клетская). Год прошел с той поры, как отгремели там последние выстрелы, а все вокруг еще дышит войной: в развалинах стоят хутора и станицы, еще не заросли травой воронки от бомб и снарядов. Повсюду степь изрыта – окопы, ходы сообщения, блиндажи и дзоты, но время уже кладет «печать забвения» на все это. Странно выглядит, например, разбитый немецкий танк в глухой теперь степи: люки открыты, внутри танка насыпью лежат расстрелянные пулеметные гильзы, вокруг валяются неиспользованные снаряды, куски изорванной взрывом гусеницы, а на башне танка густо лежит птичий помет... Ржавееющее под дождем стальное чудовище стало приютом для степных птиц. Я влез на танк и обнаружил на башне шерсть и косточки полевой мыши; видимо, коршун или кобчик устроили там себе столовую и наблюдательный пункт...

Наши трофейщики пока еще не в состоянии собрать все это имущество, и разбитая вражеская техника «используется» птицами для своих целей. Да и не только немецкая техника не свезена со степей. От Михайловки до х.[утора] Ле-

вина видел два наших исправных (внешне) танка. Там боев не было, но к Дону двигалась одна наша танковая армия, и эти два тяжелых танка брошены, видимо, из-за неисправности моторов. Пора бы, кажется, взять их в дело, а вот стоят на грейдере и ждут хозяев... Я вспомнил, с каким дьявольским трудом, под огнем противника наши эвакуаторы вытаскивают с поля боя поврежденные машины, зачастую искалеченные, а тут этакое пренебрежение, и как-то невольно стало грустно. Одной рукой экономим, а другой преступно расточительствуем.

Очень сложно сейчас в районах. Готовятся к севу, а основной клин – просо. Ты знаешь, какая это ехидная культура, и тревога за уборку у народа весьма законная. А с пшеницей – плохо. Ну, да обо всем этом расскажу при встрече. Очень интересные цифры, и тебе, как старому сельскохозяйственнику, они будут весьма понятны. Был ли ты в Кремлевке, и как твой камешек? Светлана рассказывала, как врачи на тебя устраивали облаву, а ты успешно спасался от них в недрах ЦК. Это здорово меня развеселило! Я решил следовать твоему примеру и сейчас не ехать в Москву, т.[ак]к.[ак] нужды в этом не испытываю и после поездки уже сел за работу. Думаю быть в вашем хорошем городе не раньше мая, при условии, если меня не подведет Мария Петровна (она все что-то киснет). А я, даже проделав 700 км. по совершенно нелепой дороге, чувствую себя хорошо (к собственному удивлению и радости), и вполне работоспособно.

В апреле, может быть, пошлю тебе и в печать новый отрывок. Ну, вот написал тебе, и вроде как в гостях у тебя побыл, и даже во рту осталось ощущение, как будто вашего хорошего чая с лимоном выпил...

Крепко обнимаю тебя, желаю здоровья. Передай от нас привет и добрые пожелания Марии Георгиевне, Тамаре и Вовке от меня – особый.

Оторви из блокнота листок и напиши несколько строк, что я, мол, жив и здоров и тебя, Шолохов, приветствую. Что-нибудь в этом духе, хотя и коротко, я и этому буду рад.

Твой М. Шолохов.

Камышин, Сталингр.[адская]

Набережная 74

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Ты, безусловно прав в своих предположениях – муза переехала из Камышина вместе со мной, но вся беда в том, что она у меня существует по старинке и до сих пор не механизирована, а потому мы с ней и отстали от тех, которые сражаются за родину, на 2 года во времени и на 2 тысячи километров в пространстве...

Утешаю себя тем, что кляча – муза моя, а я еще почти добрый молодец, но что будет через 20 лет, когда и я стану клячей? Куда мы тогда дотащимся? Думаю, что не дальше Ваганьковской трамвайной остановки.

Но пока я так «возвышенно» размышляю[,] жизнь диктует мне не стихами, а грубой прозой: нет краски для того, чтобы закрасить иссеченную осколками крышу, стекла хватило с трудом лишь на одни рамы, а на зимние – нет... И вот я уже отбросив к чорту чистое и святое искусство, пишу слезницу Петухову, а тебя прошу поддержать мое вымогательство, ибо всем людям, а так же и музам, свойственно зимовать под теплой крышей и в доме по возможности утепленном.

Когда же ты приедешь в наши края? Сейчас ловится в Дону и Хопре роскошная, прямо-таки старинная стерлядь, в поле множество куропаток. Приезжай, пожалуйста, хоть на несколько дней! Покупаешься в Дону и чудесно отдохнешь. А отсюда я сопроводил бы тебе до самой Москвы. Напиши, когда ждать, и ждать ли?

В Ростове я еще не был. Работаю. Послал Чагину письмишко, т.[ак]к.[ак] нужны деньги и пора уже закабалиться. К концу года думаю кончить роман, а то может выйти весьма конфузно и обидно: на полях сражений война закончится, а я в грустном одиночестве все еще буду проливать чернильную кровь на бумаге...

Наши все кланяются тебе и просят передать привет Мар.[ии] Георг.[иевне], Тамаре, Вове.

Обнимаю и крепко жму руку.

Твой М. Шолохов.

Вешенская

13.VIII.44

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Пользуясь оказией (в Москву вручать подарки подшефной Вешенскому р-ну кавишке едет наш человек), – шлю привет, поздравляю с великим праздником и вместе с приветом посылаю «плоды охотничьих трудов» – несколько вальдшнепов. Дичь эта превосходная и в Москве ее не найдешь. Прикажи зажарить к 1 мая и за рюмкой водки вспомни про охотника. Мар.[ия] Петровна от себя шлет донских помидоров <и огурцов> собственного засола.

Работаю, на досуге охочусь и уже успел поневоле искупаться в Дону. Во время поездки 21/4 ухитрились перевернуться на быстрине. Вода чертовски холодная, тонул, но не утонул, выплыл в ватнике, ватных штанах и огромных охот.[ничьих] сапогах на островок с комнату величиной. Часа через полтора нас (меня и еще двух охотников) подобрала и совершенно замерзших доставили в станицу. Два стакана спирта согрели, и сейчас чувствую себя отлично, даже насморк прошел... Ружье утонуло, один сапог снял в воде, когда плыл, но, к счастью, все это потом рыбаки выловили кошками. Теперь думаю еще 100 лет жить!

Большая просьба к тебе, дорогой Дмитрий Васильевич: пришли с этим человеком пачек 50 папирос и сухого вина (белого) бутылок 10. А если к этому еще добавить бы 2 б.[утылки] коньяку, то больше ничего и не надо! В июне буду в Москве и погашу задолженность.

Все мы шлем тебе, Мар.[ии] Георгиевне, Тамаре и Вове поклоны и добрые пожелания.

Жадно жду, когда накроется Берлин и боюсь только одного, что под такое торжество нечего будет выпить.

Крепко жму руку.

Твой М. Шолохов.

26.4.45.

– Практически все письма носят бытовой, жизнеописательный характер, – комментирует переписку двух хорошо знакомых людей сотрудник ЦГАКО Михаил Меланин. – Шолохов рассказывает о своей жизни, делится впечатлениями от поездок, сообщает новости об общих знакомых, просит об услугах, приглашает

в гости, пишет о радостях и горестях, благодарит за гостинцы и в свою очередь посылает охотничьи трофеи с рекомендациями, как их приготовить. Письма производят однозначное впечатление, что Михаила Александровича и Дмитрия Васильевича связывали действительно неформальные дружеские отношения.

НА ПАМЯТЬ – ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Помимо писем посылал писатель своему товарищу в войну и отрывки из романа «Они сражались за Родину», которые готовились к печати. Так, на гранках из газеты «Правда» он сделал следующую дарственную надпись:

«Д. В. Крупину – с большим дружеским чувством оставляю этот кусок, как залог того, что новый роман о войне будет дописан автором, который седеющего Крупина искренне любит и питает к нему наилучшие чувства.»

М. Шолохов

Р. С. Даже здесь не обошелся без поправки... Такова уж писательская, окаянная природа.

М. Ш.

10.3.43.»

На другом отрывке романа дарственная надпись сделана Шолоховым уже детям Крупина:

«Дорогим Тамаре и Вове Крупиным с дружеским приветом от автора.»

М. Шолохов

15.3.43.»

Десятилетие спустя очередная дарственная надпись Шолохова сделана уже на гранках романа «Поднятая целина», отрывки из которой также готовились к публикации в газете «Правда»:

«Д. В. Крупину. Накануне Нового года с грустью вижу, как мало у меня осталось настоящих, истинных друзей. «Иных уж нет, а те – далече...». И тем с большей радостью дарю этот пахнувший типографской краской кусочек действительности 30-х годов одному из самых дорогих друзей, сумевшему обогнать меня в жизни на десять лет.»

С любовью и добрыми дружескими чувствами.

М. Шолохов

Москва

31.12.55.»

И еще один автограф Михаила Шолохова Крупину на рукописи «Поднятой целины»:

«Дорогому Дмитрию Васильевичу Крупину с госпитальной улыбкой.»

М. Шолохов

11.4.57.»

В фонде краеведа Пленкова сохранились и три телеграммы, которые знаменитый писатель в разные годы посылал своему товарищу в столицу из станции Вёшенской. Вот они:

9 мая 1945 года.

КРУПИНУ ПОЗДРАВЛЯЮ ПОБЕДОЙ КРЕПКО ОБНИМАЮ =ШОЛОХОВ

6 ноября 1955 года

ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЕМ ДОРОГОГО ЮБИЛЯРА ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ПРАЗДНИКОМ ОКТЯБРЯ ОБНИМАЕМ И ЖЕЛАЕМ ЗДОРОВЬЯ =ШОЛОХОВЫ

8 ноября 1956 года. Срочная телеграмма

САМОГО БЛИЗКОГО СЕРДЦУ ДРУГА ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЮ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ОТ ВСЕЙ ДУШИ ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ ДОЛГИХ ЛЕТ ЖИЗНИ КРЕПКО ОБНИМАЮ КРЕПКО ЦЕЛУЮ =ТВОЙ МИХАИЛ ШОЛОХОВ

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ПОСЛАНИЯ

Война закончилась, а переписка продолжается. Публикуем письма Шолохова, сохраняя орфографию и пунктуацию автора. (Расшифровка сокращенных слов по-прежнему дается в квадратных скобках, зачеркнутые слова заключены в угловые скобки).

Вешенская

14.4.46

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Как и было условлено, – за лесом для строительства больницы и школ направляем т.[оварища] Асеева и двух сопровождаемых. Для получения пилорамы одновременно с Асеевым едет наш зав.[едующий] лесхозом т.[оварищ] Душко и механик. Большая просьба к Вам, что-бы т.[оварищ] Степанов помог им в устройстве с билетами. Хуже обстоит дело с локомотивом (прилагаю письмо парторга ЦК Сызранского локомотивного завода). Если Вам не удастся склонить т.[оварища] Качанова на это доброе дело, – мы полетим в трубу к чортовой матери. Чем-же «движить» пилораму? Истинное горе с этим строительством... А насчет локомотива – вся наша надежда на Вас.

Часть груза, который надо получать в Ростове, отправляем Доном, в целях экономии горючего. Лес из Брянска тоже думаем довести до Лисок, а оттуда водой. Но все-же бензин нам потребуется. Не забудьте и об этой нашей нужде, ради бога!

Про цемент пока что-то не слышно, ждем вестей от Вас.

Вот, как будто, и все, что касается наших строительных дел. Остальное все в ближайшие дни получим в Ростове и доведем до Миллерово, а оттуда, как только разбогатеем бензином, перебросим на автомашинах, т.[ак]к.[ак] Донское госпароходство не берет всего груза (они предполагают за навигацию отправить из Ростова вверх всего лишь один пароход).

Что касается моего строительства, то тут уж я целиком завишу от Вас. Не сочтете-ли Вы возможным послать в Вешки знакомого человека, что-бы он помог выбрать место, сообразно строит.[ельному] плану, и что-бы он прикинул, что из имеющихся строений и старого дома можно использовать для переноски хаты в Букановскую. Специалистов по этой части у нас нет, а я в этих делах разбираюсь не больше чем в китайской грамоте.

Вся поездка у него заняла-бы буквально считанные дни, а для меня это было-бы весьма важным делом.

О себе почти нечего сказать. Пишу, охочусь. Плоды трудов на последнем поприще посылаю. Вальдшнепы в этом году летят не ахти как здорово, но в поте лица за день хождения по придонским лесным дебрям можно кое-что добыть.

Очень прошу поручить хозяйке как следует их зажарить, а Вам выпить под эту королевскую дичь стопку за здоровье стареющего, но неутомимого охотника.

К слову: в поезде Москва-Ростов с рук продают чахлые пирожки и водку. И тут такая курьезная деталь для писателя-юмориста: продавщица не говорит обычное «А вот кому... не угодно-ли»... Нет, она с деловитым видом открывает дверь купэ и вопрошает: «— Граждане! Кто забыл выпить сто грамм?».

Такой сервис по ростовски меня просто растрогал!

Весна у нас скучная. Идут дожди, мешают сеять. Пахать только что начали и то на серопесках. Очень много уполномоченных обкома, и старики качают головами и говорят: «— Ну, это к неурожаю...».

Наши всем Вам низко кланяются. Передайте от нас сердечный привет Марие Георгиевне, Тамаре, Вове, который говорит басом.

Обнимаю Вас и крепко жму руку.

Ваш М. Шолохов.

P.S. Если решите послать кого-либо из строителей ко мне, — пошлите скорее, т.[ак]к.[ак] в конце апреля хочу съездить в Казахстан.

М.Ш.

Дорогой Дмитрий Васильевич!

О строительных делах Вам доложит т.[овариц] Яровой, который все здесь рассмотрел и всюду походил своими немолодыми ногами.

Надо-бы все это делать поскорее, хотя-бы с таким расчетом, чтобы к зиме 47 г. войти мне в новый дом.

Этот год я как-нибудь проживу. Но, признаться, страшно надоело жить цыганской жизнью. Поверьте, что это не способствует и творческой работе.

Прошу Вас, ускорить дело строительства дома, присылки материалов.

У нас плохо с урожаем, очень плохо! Так-же обстоит и с кормами, и с огородами, и с бахчами. Словом, кругом плохо. Надо полагать, что к весне будет еще хуже; только тем и «утешаешься», что все плохое — еще впереди...

Пожалуйста перешлите по назначению генеральские перчатки. Он их «утрапил» в вагоне. Передайте ему от меня сердечный привет.

Я и наши кланяемся всем Крупиным. Вас я обнимаю и желаю всего самого доброго!

Ваш М. Шолохов.

3.VII.46

Дорогой Дмитрий Васильевич!

В Ростов я не поехал. Крепко жду Вас в Вешки.

Вы знаете, как все мы любим Вас и какую огромную радость Вы нам доставите, подлетеv в Вешки хотя-бы на денек.

Обнимаю Вас и жду.

Ваш М. Шолохов.

P.S. Письмо т.[оварицу] Постнову оставил у т.[оварица] Полуэктова.

М.Ш.

29.1.47.

Дорогой мой Дмитрий Васильевич!

Хотел заехать, но – «долгие проводы – лишние слезы». Не хочу мешать Вашему лечению...

Поймите, как дороги Вы сердцам тех, кто Вас знает и любит, и Вы почувствуете, что я от своей мысли – быть у Вас в Нагорном – отказался не без сожаления.

Ждем Вас в Вешенской. Ждем, любим, и с тревогой будем следить за Вашим пребыванием в Нагорном.

Ваш М. Шолохов.

3.7.47 г.

P.S. Уезжаю, а на сердце что-то сосет...: не хватает обычного круга друзей.

Скорее поправляйтесь!...

М.Ш.

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Пользуясь оказией (приезд т.[оварица] Волкова), – шлю Вам сердечный привет и добрые пожелания.

На пути из Кисловодска в Москву заезжайте в Вешки. Стерлядь в одном заповедном месте не ловим, храним до Вашего приезда.

Подумайте, как хорошо сварить ухи на «диком берегу» Хопра, искупаться и пообедать в таком месте, где души человеческой нет на десять верст в округе! Съэкономьте тройку дней, и этот блистательный план будет осуществлен.

Передайте от меня привет нашему соседу – Е.И. Смирнову. Если случится – помяните и меня добрым словом, а то у меня – сухой закон: работаю, не взирая на проклятую жару. Крепко Вас обнимаю и желаю абсолютного здоровья.

Ваш М. Шолохов.

18.7.47

Миллерово

P.S. А Миллеровским пилотам обмундирования так и не выдали... Они ждут последнего слова от Вас.

М.Ш.

Дорогой товарищ Крупин!

Через Ваше посредство обращаюсь к ЦК родной партии со следующей просьбой: как Вам известно, – мой сын женат на дочери члена Политбюро Болгарской компартии А. Югова. В настоящее время они находятся в Болгарии и через месяц должны быть в Москве, чтобы приступить к учебе в Тимирязевской С/Х Академии, где они завершают учение на 4 курсе Академии. Министр т.[овариц] Югов получает не так много денег, чтобы обеспечить прилет наших детей в СССР. Как писатель великой державы, – к тому-же бывший в Болгарии, – считаю для себя унижительным и неприемлемым обращаться за денежной помощью к кому-либо кроме Вас, и прошу о следующем: на моем текущем счету за переводы моих книг

в Англии и Америке во Внешторгбанке имеется семьсот (с чем-то) американских долларов, не откажите в товарищеском одолжении – исключите возможность перевода суммы, равной в переводе на наши рубли 1800, – чтобы мои ребята могли долететь до Москвы, не прибегая к помощи болгарского родителя.

С уважением к Вам

Подпись /М. Шолохов/

8.7.51 г.

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Две больших просьбы к Вам:

1. Пожалуйста пришлите открытый лист на этот год, иначе никуда не выеду. (Обычно выдавали мне на 6 тонн и – соответственно – смазочных масел).

2. Если это не обременит, – скажите, чтобы послали мне от щедрот комбината питания килограмм по 8 гороха и фасоли и по столько-же яблок и, если есть, апельсинов. + лимонов 20 шт. [ук]

У нас ничего этого нет и в помине, а то я не стал-бы Вас тревожить подобной просьбой. Пусть укажут стоимость посланного в переводе. Деньги немедленно перешлю.

Коротко о себе: сижу, упорно работаю, в марте сдам первый кусок «целины» с тем, чтобы печатать в «Октябре» без перерывов. Много приходится (в который уже раз!) переделывать. Хочется отшлифовать так, чтобы каждая строка звенела, а то скажут, что на съезде призывал к высокому качеству, а сам дает сырье...

Кстати, за этот м-ц получил в связи со своим выступлением более тысячи писем, и что интересно – из них только четыре ругательных, а из них – три анонимных и лишь одно с подписью и обратным адресом...

На Дону у нас стоит гнилая зима. Температура -2, +2. Дон разлился, затопил пойму, как весной; стога сена плавают, и никак к ним не доберешься.

Через Дон ходит паром; снега на полях нет, а тот что был (очень малый), – весь в ярах и балках. Сейчас уровень воды выше прошлогоднего весеннего. Одним словом, черт знает, что за зима. Такой и старики не помнят!

Я и Мария Петровна кланяемся и обнимаем Вас и Ваших близких.

Передайте от меня привет Ефиму и Кабашкину – людям, к которым лежит мое сердце.

Ваш М. Шолохов.

31.1.55

Вешки

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Посылаю с сыном эту писульку. Полагая, что Вы получили уже мое письмо, хочу внести в него одну поправку: фасоли не надо, появилась на базаре.

У нас так плохо со всей этой чертовщиной, что я, длительно переболев каким-то вирусным гриппом, тянусь к растительной пище, и очень прошу Вас помочь мне в этом. Апельсины – хрен с ними! Мы с Вами с детства не знали их вкуса, а вот горох и яблоки, – тоскую!

И еще одно: ускорьте высылку открытого листа. Я – уже в «бензиновых» долгах, а вскоре предстоит перевозка дров на отопительный сезон 55-56 г.г.

Обнимаю Вас и желаю всего доброго!

Ваш М. Шолохов.

6.2.55

Уральск

27.9.56

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Сожалею, что не удалось застать Вас сегодня по телефону, но надеюсь, что Петухов передал Вам мой дружеский привет и сердечное спасибо за то, что добыли и пришлете мотор.

Кстати, очень прошу Вас о том, чтобы мотор отгрузили пассажирской скоростью, иначе я его не дождусь.

В этом году мне явно не повезло с техникой: уже после того, как получил от Вас покрышки, – лопнула у обода вторая. А первую нельзя в Уральске – заштатном городе завулканизировать, т. [ак]к. [ак] нет в городе (всего 3) машины ГАЗ-63, и покрышки вулканизируют только в Саратове...

Что касается моих писательских дел, – могу сказать одно: не очень преуспеваю. Трудно в полевых условиях «творить»... Ветер треплет палатку, за ней – дождь, слякоть, мерзость. Сидеть приходится по восточному, словом отнюдь не «творческие» условия...

Пишу очерк для «Правды» и «Сель. [ского] хозяйства». Грустные здесь дела! Копию пошлю Вам, почитайте.

Охота в этом году сложная. Такие массивы заняты были под хлебом, что гуся никак не угодяешь. Но кое-что уже настреляли, а вскоре подойдет казара и тогда добавим еще.

На этот раз решил я побаловать моих дорогих московских друзей свежей дичиной раньше обычного срока. В ближайшие дни с Уральского Мясокомбината на Ваш адрес будет отправлена посылка самолетом в 2-х ящиках. Посылаю Вам 2 тушки сайгаков и 6 гусей. Прошу распределить их следующим образом: одного сайгака разделите Вы с Крюковым, второго пусть разделят Петухов с Кабашкиным.

Что касается гусей, то вот Вам список:

1. Крупин.
2. Кабашкин
3. Крюков.
4. Петухов.
5. Троицкий (ваш, из хоз. [яйственного] отд. [ела]).
6. Смирнов Е.И.

Бишбармак из сайгака готовится следующим образом: мясо очищается от костей, режется мелкими кусками, варится в малом количестве воды (чтобы был не суп, а «сурпа», как здесь называют), добавляют по вкусу луку, соли и перед едой – ставят на стол бутылку водки (желательно столичной). Вот и весь рецепт. Картофель не кладут, а взамен его тонко раскатывают пресное тесто (как на лапшу) и рвут его пальцами на небольшие кусочки, и засыпаю [т] в сурпу). Известный кулинар и гурман Кабашкин может изготовить такой бишбармак, что пальчики оближешь. Обнимите за меня этого будущего бишбармачника с мускулистыми бровями.

Шлем с Мар.[ией] Петровной Вам, Марии Георгиевне, Тамаре, Вове и всем вашим близким наш сердечный привет из далекого Казахстана и желаем всего доброго.

Поклон от меня всем упомянутым в списке. Перову гуся привезу и вручу лично. Обнимаю Вас, мой дорогой друг, и желаю здоровья и бодрости.
Ваш М. Шолохов.

Стокгольм.

4.6.57.

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Пользуясь оказией, (сегодня летит в Москву т.[оварищ] Еськов) пишу Вам о первых впечатлениях о Скандинавии. Хорошая страна и хороший, трудолюбивый, но зажиревший народ. Свежие овощи и фрукты едят круглый год, так как, используя свой огромный торговый флот, везут овощи и фрукты со всего света. Сейчас, например, ввозят бананы, черешню, груши, яблоки, даже молодую картошку и помидоры и пр.[очие] из Аргентины, с Канарских островов, из Индии и Японии. Черт знает, откуда только не везут, и все это стоит дешево.

Говорят, что страна продает фрукты населению иногда себе в убыток, заботясь о здоровье нации. Возможно, что это и отвечает действительности.

Но им хорошо, черт бы их побрал, не воев[ав] 150 лет, наживаясь на чужих войнах, этак роскошно жить. Попробовали бы так, как мы...

Наряду с этим очень дорог труд. Всякий труд дорог. Хорошо зарабатывают строители, даже чернорабочие; но питание – дорого, в частности – мясо. В этом отношении Швеция – страна диких контрастов: бананы стоят 3 кроны кил.[ограмм], а мясо – 15. Побриться берут 7 крон, а рубашка стоит 15-20, и т.[ак]д.[алее]

Наше представление о могуществе доллара и вообще золотого рубля здесь ставится вверх ногами. Побриться – 1 ½ доллара, каково это? И такое сопоставление как стоимость мяса: у нас 15 р.[ублей] и здесь 15 крон; у нас верхняя рубашка 300 р.[ублей] и здесь 15 крон. Просто, в голове не укладывается...

Баснословно дорога вся техника. Приведу несколько примеров: в Швеции никто из наших не имеет телевизоров. Дешевенький стоит 1800-2000 крон. Паркеровская ручка – 200 крон, бинокль – 700, даже перочинный нож – 18-22 кроны. И в то же время сносные ботинки стоят 30 крон, уборщица зарабатывает 600 крон... Голову сломаешь, разыскивая эквиваленты!

Спокойно и размеренно идет здесь жизнь в промышленности, с/х. х-стве, строительстве. Дети в парках чинны и бесцумны. Чистота всюду, очень красиво, но все чужое до тошноты! И уже тянет домой. Нет, видно, по «заграницам» ездить другим, а я, как и прежде, скоро скажу: «Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех!» русский я до мозга костей и никакие чужие красоты и прелести не променяю на свою степь, на подмосковную милую сердцу красоту.

Встречает меня шведская общественность чрезвычайно тепло. Со страниц газет всех направлений не умолкают голоса о присуждении мне Нобелевской премии. Даже наши враги говорят об этом. Что ж, пусть присуждают! Я покажу им, как распоряжаются премиями коммунисты, особенно русские коммунисты.

И я, и Мария Петровна не тряпичники, и мы твердо решили: если присудят Ноб.[елевскую] премию – каблуками перед шведским королем я щелкну, а всю премию передам моему родному правительству и партии, которой я всем обязан, и попрошу построить дом для сирот и присвоить ему имя Вл.[адмира] Ильича, который любил детей и больше всех сделал для их будущности. Ведь Вы же, мой дорогой и далекий друг, не хуже меня понимаете, что нет для меня на свете ничего дороже, чем уважение товарищей и народа, и поступить иначе я не могу. Против совести не пойдешь.

В этом свете мне хочется сказать и о другом: высоко держу звание советского человека, но лишнего слова, ни лишнего глотка. Почти полный сухой закон! На приемах, где пьют много и долго, разрешаю себе только одну рюмку коньяка и – баста! Так что пусть никто из вас обо мне не беспокоится. Да и не только на приемах. Что-то я охладел к этому «развлечению». Как видно, – года не те и «нарзан не тот».

На пароходе из Хельсинки я торчал на палубе и простудился. Четыре дня провалялся не выходя из дома, но наши врачи русскими лекарст.[вами] поставили меня на ноги, и завтра еду смотреть фермеров, километров за 300 от Стокгольма. Вообще, до 11го, когда тронусь в Норвегию, хочу много поездить по стране, доберусь почти до г. Мальме (650 км.), куда приглашает меня старик швед – мой почитатель и богатый фермер. Попутно ознакомлюсь с десятком других х-ств. По этому поводу уже есть договоренность с швед.[ским] министром с/х-ства.

В отношении средств, отпущенных мне на покупку охотничьего и рыб[о]ловного снаряжения, обстоит так: у вас там не учли многих и важных обстоятельств: прикинули стоимость оружия, но не учли стоимости оптических прицелов, их монтажа, и стоимости патронов. В Москве нельзя достать патронов для «Винчестера», их надо закупать здесь и не на один сезон. А патроны каждый стоит больше кроны. Короче говоря, как я не экономлю, но мне – не смотря на досылку 3000 крон – снова не хватает 2-2 ½ тысяч крон. И это при условии, что на свои личные, бытовые нужды, а не охотничьи, я израсходовал около 3000 тысяч крон[,] полученных во Внешторгбанке с моего счета по разрешению М-ства финансов СССР.

Пока я еще не в состоянии приобрести себе здесь даже охотничьих сапог, все ухлопано на оружие, и закупил только половину необходимого количества патронов.

Очень прошу Вас, дорогой Дмитрий Васильевич, позвонить послу в Стокгольме Гусеву Ф.Т., чтобы он отпустил мне дополнительно 2500 крон. На этом все мои покупки будут закончены и я сумею привезти подарки друзьям. Без подарков не привык ездить из Казахстана, не могу без них приехать и из Швеции.

Осенью в Стокгольме снова выходит большим тиражем «Тихий Дон», и тогда я сумею уплатить Вам затраченные на меня деньги. А то, что мне полагалось получать здесь за прежние издания (около 15000 крон) давно переведено в «Международную книгу» в Москву и исчислено... в советских рублях.

Гусеву прошу позвонить поскорее (из Москвы это очень легко сделать), чтобы до отъезда в Норвегию я сумел завершить свою охотничью экипировку. А в Норвегии и Дании никаких затрат у меня не будет.

Крепко Вас обнимаю!

Ваш М. Шолохов.

Р. С. Передайте от меня и М.[арии]П.[етровны] сердечный привет Марии Георгиевне, Тамаре с мужем и Вове с женой. Привет Кабашкину, Петухову и всем моим друзьям у вас. Скучаю по цековскому чаю. Здесь он хуже, не тот.

М. Ш.

Последнее письмо написано знаменитым писателем в Стокгольме в 1957 году – уже тогда, как видим, открыто говорилось о возможности присуждения Шолохову Нобелевской премии. Но на самом деле случится это еще не скоро – только 8 лет спустя, в 1965 году, когда Михаил Александрович отметит уже свое 60-летие, и новость эту, как известно, он получит в Казахстане...

Вот таким ценнейшим эпистолярным кладом обладает вятский архив.

Остается добавить, что сообщение о хранящихся в ЦГАКО уникальных документах, связанных с именем знаменитого писателя, лауреата Нобелевской премии Михаила Шолохова, отправлено в Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом), а электронные копии документов предоставлены Государственному музею-заповеднику Шолохова в станице Вёшенской Ростовской области.

